

Однако, несмотря на десятилетия, прошедшие со дня его смерти, споры вокруг творческого наследия писателя не только не утихают, но, напротив, разгораются с новой силой. Имя его оказалось в эпицентре духовных событий времени. На сегодняшний день “мир Толстого” — необъятная тема для исследований в самых различных науках. И каждый исследователь ищет в нем что-то свое: кто “правду о жизни и душе человека”, кто символ веры, кто свидетельства тщеславия и гордыни, хулы на бога. Одним словом, диапазон восприятия оценок наследия писателя необозримо велик.

Работы выдающихся ученых Н. И. Гусева, Б. М. Эйхенбаума, Л. Д. Опульской, П. П. Громова, Г. Я. Галаган, Е. Н. Куприянова и других составили “золотой” фонд науки о Л. Н. Толстом. Вместе с тем новая эпоха предъявляет и новые требования к изучению творчества писателя. Все чаще в работах Л. Н. Кузиной, В. Б. Ремизова, Н. Д. Тмарченко, М. И. Щербаковой и других современных исследователей встречаются слова: “известный Толстой”, “загадка Толстого”, “на полпути к Толстому”, и в них нет абсолютно никакого преувеличения.

Стремясь постичь секреты творчества писателя, филологи, историки, философы и религиозные проповедники обращаются к его художественным и религиозно-философским замыслам, к его духовным истокам, к самому процессу создания произведения (разработке сюжета, композиции, типологии толстовских героев), психологии творчества в поэтике. Все это необходимо, так как это и есть один из реальных способов охарактеризовать величие Л. Н. Толстого в его подлинной многогранности.

А. Ф. Рогалев

**“UNE RUSSE” — ПЕРВЫЙ ПЕРЕВОДЧИК
РОМАНА Л. Н. ТОЛСТОГО “ВОЙНА И МИР”
НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК**

Знаменитый роман Льва Толстого “Война и мир” переведен на многие иностранные языки. Обилие переводов множественность их, даже в рамках одного и того же языка, говорит не только о громадной популярности романа Л. Н. Толстого, но и о том, что сам роман необычайно труден для перевода. Кто же

первым рискнул донести гениальное творение русского писателя до зарубежного читателя?

Первой зарубежной страной, в которой познакомились с “Войной и миром” в переводе, была Чехия. Здесь роман Л. Н. Толстого был опубликован в 1873 г., однако имя переводчика до сих пор остается неизвестным¹. Через шесть лет, в 1879 г., в Париже появился первый перевод “Войны и мира” на французский язык. Трехтомник произведения Толстого, отпечатанный в Петербурге, был пущен в продажу во Франции под фирмой издательства Ашетт и в дальнейшем выдержал еще целый ряд повторных изданий. В последний раз роман “Война и мир” в варианте самого первого его перевода издавался во Франции в 1956 г. с предисловием А. Моруа². На титульном листе романа, появившегося в Париже в конце 1879 г., значилось не имя переводчика, а псевдоним — “Une Russe” (“Одна русская”). С французского текста перевода, выполненного русской переводчицей, были сделаны переводы “Войны и мира” на английский, венгерский, голландский, польский и турецкий языки.

Скрывшая свое имя “одна русская”, представившая французскому читателю единственный до начала XX в. французский текст “Войны и мира”, прожила очень долгую жизнь — 90 лет. И хотя родилась она в Петербурге, судьба распорядилась так, что с 1921 г. и до самой смерти, на протяжении почти 70 лет, эта женщина была неразрывно связана с городом Гомелем. Жители дореволюционного города называли ее “нашей Ириной”, “нашей княгинюшкой” и неизменно отзывались о ней с необычайным уважением и теплотой.

В советское время о княгине Ирине не принято было говорить. Нет о ней ни строчки и в славящейся своей всеобъемлющей объективностью современной многотомной «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі». Между тем этой фигурой, вошедшей в историю литературы вместе со своим переводом на французский язык выдающейся эпопеи Льва Толстого, могут гордиться не только жители Гомеля.

В 1853 г. в Петербурге играли свадьбу, которая не оставила равнодушным никого из представителей высшего столичного общества. Выходила замуж дочь обер-церемониймейстера, действительного тайного советника графа Ивана Илларионовича Воронцова-Дашкова — Ирина Ивановна. В петербургском салоне Воронцовых-Дашковых, хозяйкой которого была одна из первых красавиц российской столицы и очень влиятельная дама Александра Кирилловна, мать Ирины, проводились не только

самые пышные балы, здесь умели ценить ум и талант. Попасть в этот блестящий и самый модный салон считалось великой честью.

Восемнадцатилетняя графиня Ирина, унаследовавшая от матери внешнюю и внутреннюю привлекательность, была предметом всеобщего обожания. Не мог не обратить на нее внимания и один из завсегдатаев салона — тридцатилетний сын прославленного фельдмаршала Ивана Федоровича Паскевича-Эриванского Федор Иванович.

Паскевича-старшего в Петербурге и Москве в высшем свете называли *выскачкой* и воспринимали как самонадеянного, властного и тщеславного человека. Фамилия *Паскевич* действительно не была исконно «благородной», связанной с богатыми родовыми. В графское достоинство этот «потомок шляхтича» XVII в. Пасикрата Цалого, в просторечии Пасько Цалого, или Чалого (отсюда — фамильное прозвание Паськевич, Паскевич), был возведен за блестящие победы русских войск в войне с Персией в 1827—1828 гг. Тогда же И. Ф. Паскевич получил почетное именование Эриванский (от названия отвоеванного у Персии Эриванского ханства) и миллион рублей ассигнациями. За победы над турецкими войсками на Кавказе в сентябре 1829 г. графу Паскевичу было пожаловано звание генерала-фельдмаршала.

В 1853 г. фельдмаршалу Паскевичу был 71 год, и он еще участвовал в военных операциях против Турции на Дунае. Его сын, Федор Иванович, также дважды ездивший на Кавказ в действующую армию, унаследовал звания и титулы отца и благодаря ему же имел возможность вращаться в высшем столичном свете. Судьбе угодно было свести его с дочерью Воронцовых-Дашковых.

Молодая супружеская пара поселилась в доме Паскевичей на Английской набережной. О жизни княгини Ирины в Петербурге позволяют судить воспоминания английского дипломата Горация Румбольда, которые были опубликованы спустя полвека после описываемых событий («Исторический вестник», 1900. № 8). Из воспоминаний следует, что чета Паскевичей «по многим причинам» вела довольно замкнутый образ жизни, хотя их роскошный особняк, украшенный Паскевичем-отцом различными предметами искусства и собранием оружия, посещал избранный круг родных и близких знакомых. Молодая княгиня устроила домашнюю театральную залу и сама исполняла различные роли на сцене.

20 января 1856 г., спустя три года после женитьбы сына, скончался старый фельдмаршал Паскевич. Паскевич-младший,

князь Федор Иванович, вступил во владение отцовским наследством, в том числе самым главным, роскошным имением отца — Гомелем. Паскевичам принадлежала половина города (старая его часть), включавшая дворцово-парковый ансамбль. В Гомельском уезде собственностью Паскевичей считалось более 90 дач, фольварков, имений, лесных сторожек, хуторов с пахотной и лесной землями.

В 1856 г. Ирина Ивановна Паскевич вместе с мужем приехала в Гомель и застала здесь самую настоящую “царскую резиденцию”, соответствовавшую амбициям фельдмаршала Паскевича, наместника императора Николая Первого в Польше³.

Первые два-три десятилетия совместной жизни чета Паскевичей жила то в Гомеле, то в столице. О появлении в Гомеле князя и княгини горожане узнавали по развевавшемуся флагу на дворцовой башне. Ко второй половине 80-х гг. XIX в. князь Федор Иванович дослужился до звания генерала-адъютанта. Некоторое время он был на должности помощника инспектора вооруженных сил. Княгиня Ирина Ивановна занялась благотворительной деятельностью в Гомеле, а свободное время полностью посвятила занятиям литературой: сочинению небольших художественных сюжетов и переводам с русского на иностранные языки (в основном, на французский язык) и с иностранных языков на русский язык различных произведений современных писателей.

Переводческая деятельность Ирины Ивановны Паскевич была занятием любительским. Тем не менее ее переводы, в которых воплощался врожденный художественно-аристократический дар, обращали на себя внимание, их знали в литературных кругах. В столичном свете княгиня Паскевич имела творческие контакты с известными писателями и поэтами.

И. И. Паскевич была одной из первых, кто понял и высоко оценил талант становившегося популярным во второй половине XIX в., в 50—60-е гг., графа Л. Н. Толстого. В 70-е гг. княгиня уже работала над переводом “Войны и мира”. Известно, как у нее возникла идея взяться за столь грандиозное дело, тем более, что в то время не существовало основательно разработанной теории перевода и не была теоретически осмыслена стилистика романа вообще. Однако, судя по тому, что французский перевод романа “Война и мир” вышел с указанием “Переведено с разрешения автора”, за перевод взялась не просто княгиня—любительница литературы, но искушенный в переводческом деле мастер. По всей видимости, сам Лев Тол-

стой был уверен в успехе Ирины Ивановны Паскевич, а княгиня, прежде чем приступить к переложению на французский словесно-художественный лад большого литературного полотна, провела своего рода “репетицию”, представив в 1877 г. в Петербурге французский перевод романа Л. Н. Толстого “Семейное счастье” под названием “Маша”.

Огромную помощь Ирине Паскевич в переводе “Войны и мира” на французский язык оказал поэт Я. П. Полонский, и не исключено, что одним из вдохновителей ее на столь кропотливый и ответственный труд был Иван Сергеевич Тургенев. Именно Тургенев способствовал распространению перевода “Войны и мира”, выполненного И. И. Паскевич, в Париже, хотя и считал этот перевод “несколько слабоватым”, тем не менее “сделанным с усердием и любовью”⁴. Заметим, что И. С. Тургенев вообще не жалел ни средств, ни сил для содействия европейской известности Льва Толстого. Благодаря стараниям Тургенева с переводом романа “Война и мир” познакомились ведущие французские писатели того времени — Золя, Флобер, Мопассан и другие⁵.

Для перевода Ирина Ивановна Паскевич выбрала русское издание “Войны и мира” 1868—1869 гг., в котором имелись философские и исторические рассуждения Толстого, исключенные затем им при переиздании романа в 1873 г. и объединенные в виде приложения к роману под названием “Статьи о кампании 1812 года”. В указанном издании были также вкрапления иностранной речи (французской и немецкой) в диалогах действующих лиц, являвшиеся неотъемлемой частью художественной структуры произведения (в основе современных русских изданий “Войны и мира” лежит именно издание 1868—1869 гг.).

И. И. Паскевич в целом строго придерживалась текста романа, однако в последних частях эпопеи, главным образом, в тех местах, где имеются исторические и философские размышления автора, содержащие критику официальной исторической науки и характеристику Наполеона как агрессора, были допущены изменения текста. Поступая таким образом, княгиня, как можно полагать, исходила из личных идейных убеждений. При внесении иных незначительных изменений в текст романа переводчица, по всей видимости, руководствовалась собственным литературным вкусом⁶.

Переводчик всегда в известном смысле — соперник автора, и в этом плане И. И. Паскевич проявила искреннюю скромность, указав на французском переводе романа Льва Толстого не свое

истинное имя, а псевдоним. Занимаясь переводом, княгиня не думала о славе переводчика, а просто реализовывала свое художественное дарование и стремилась донести до зарубежного читателя взволновавшее и восхитившее ее произведение талантливого писателя.

В 1903 г., когда умер князь Федор Паскевич, Ирине Ивановне было 68 лет, и она очень переживала свое одиночество. Детей у княгини не было, кроме того, жизнь осложнялась тем, что она рано стала терять зрение, из-за чего пришлось прекратить и занятия литературными переводами. Выезды в столицы давно прекратились, и лишь в летнюю пору княгиня с мужем (когда он был еще жив) ненадолго покидала Гомель и жила в какой-нибудь из своих загородных усадеб.

12 ноября 1917 г. власть в Гомеле перешла к местному Совету рабочих и солдатских депутатов. Через три дня после этого престарелая княгиня Паскевич, собрав списки всего движимого и недвижимого имущества, отправила дарственную новым властям. Затем она ушла из своего дворца навсегда. Ей дали комнату в одном из домов города, где княгиня и жила до самой смерти, имея лишь няню-служанку, приносившую продукты и ухаживавшую за старухой. Есть сведения, что какое-то время княгиню содержал ее воспитанник, глазной врач Брук, и она жила в глазной лечебнице.

Княгиня Паскевич скончалась 14 апреля 1925 г. Похороны были бедными; достаточно сказать, что похоронили Ирину Ивановну в простом черном гробу и не в фамильном склепе, рядом с мужем, а прямо в парке под березой, возле стены Петропавловского собора. В 30-е гг. могилу княгини уничтожили, а останки перезахоронили на православном крестьянском кладбище, на самой окраине города, где со временем ее новая могила затерялась.

¹ См.: *Мотылева Т. Л.* «Война и мир» за рубежом: Переводы. Критика. Влияние. М., 1978. С. 133—134.

² См.: Там же. С. 133.

³ Приводимые далее факты из жизни Паскевичей в Гомеле в большем объеме содержатся в кн.: *Рогалев А. Ф.* От Гомеюка до Гомеля: Городская старина в фактах, именах, лицах. Гомель, 1993.

⁴ См.: *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем. Письма. Л., 1967. Т. XII, кн. 2. С. 197.

⁵ См.: *Прийма Ф. Я.* Русская литература на Западе: Статьи и разыскания. Л., 1970. С. 144—148.

⁶ Об этом подробнее см. в кн.: *Мотылева Т. Л.* Указ. соч. С. 133 и след.